

Юревич А. В.

НА ПУТЯХ ПОИСКА РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ: ВЗГЛЯД ПСИХОЛОГА

ON THE WAYS OF SEARCH FOR RUSSIAN NATIONAL IDEA:
VIEW OF PSYCHOLOGISTS

Юревич Андрей Владиславович — член-корреспондент РАН, заместитель директора ФГБУН Института психологии РАН, доктор психологических наук
Yurevich Andrei Vladislavovich — associated member of RAS, deputy director of the Institute of psychology of the RAS, doctor of psychology

Аннотация: В статье дается анализ текстов — как хорошо известных в истории отечественной социогуманитарной мысли, так и современных, посвященных поиску российской национальной идеи. Рассматриваются функции национальной идеи, в том числе функции психологические, такие как смысложизненная, идентификационная, консолидирующая, программная, конструкционистская, компенсаторная. Подчеркивается, что национальная идея задает коллективный смысл существования нации, проецирующийся и на уровень индивидуальных смыслов. Характеризуется состояние национальной идеи в современной России. Очерчиваются контуры оптимального для нее варианта такой идеи.

Abstract: The article deals with the analysis of texts which are well known in the history of Russian humanitarian thought as well as modern ones, devoted to the search for Russian national idea. The functions of national idea including the psychological ones referring to the sense of life, creation, identification, consolidation, construction, compensation are under analysis. It is underlined that the national idea creates the collective sense of the nation's existence, which makes projection at the level of individual senses. The state of national idea in modern Russia is described.

Ключевые слова: национальная идея, функции, коллективные и индивидуальные смыслы, полиаспектность, прерывистость, Россия, Запад, современные варианты

Key words: national idea, functions, collective and individual senses, multidimensionality, discontinuity, Russia, West, anti-Western trends, modern variants

Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 14-18-0327

Функции национальной идеи

В многотомнике «Национальная идея России» эта идея определяется как «устойчивое представление индивида об основопо-

лагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания» [10, с. 13]. Отмечается, что «Национальная идея ..., апеллирующая к стране как к живому организму, сродни инстинкту самосохранения» [Там же, с. 32], «национальная идея страны нужна не только каждому, это своеобразный смысл жизни страны в целом, ответ на вопросы, что она есть, куда и зачем идет (развивается), что для нее ценно и непродоваемо, почему ее должны в мире уважать» [Там же, с. 33].

Такая характеристика российской национальной идеи, как *полиаспектность*, проявляется и в других ее определениях. Например, «Национальная идея, существуя для индивида, одновременно является ценностно-мотивационным представлением в рамках и масштабах всего общественного сознания, которое закрепляется и проявляется в государственных актах и атрибутике, произведениях литературы и искусства, актуальных научных задачах, образовательных стандартах и учебниках, деятельности СМИ, пропаганде и воспитании, уличной рекламе и в иных материальных воплощениях» [10, с. 15]. Т. е. в социальном плане проявления национальной идеи охватывают практически *все стороны общественной жизни*. «Национальная идея — это среда (сродни воздуху) в которой живет, развивается и действует каждый гражданин, общество в целом, элита и чиновники, политические деятели и руководители. Без нее, как без воздуха, возможны только неуспех, угасание и в пределе — гибель страны» [Там же, с. 15].

Отмечается и то, что национальная идея имеет одновременно *общесоциальный, государственный, и индивидуальный смысл*. «Она должна быть в ряду высших ценностей Российского государства, в ряду его высшей государственной атрибутики» [10, с. 20]. Вместе с тем «национальная идея страны это коренная идея сознания каждого человека, во всей его жизни — от младенчества до физической смерти» [Там же, с. 25].

Акцентируется *универсальный характер* национальной идеи для различных государств: «во всех состоявшихся государствах она существует, и по структуре, функциям и назначению они — национальные идеи — схожи. Специфика же связана с идентичностью страны» [10, с. 17], «сотни стран имеют свои «формулы жизни»» [Там же, с. 36]. Приводится и обстоятельный перечень «формул национальной идеи» разных стран мира [Там же, с. 36].

Подобные обстоятельства определяют один из контраргументов позиции некоторых наших современных либералов, утверждающих, что национальная идея «не нужна», является специфици-

ческим заблуждением российского ума, уникальным порождением нашей нелегкой жизни и, якобы, отсутствует у «благополучных» народов. Авторы многотомника «Национальная идея России» подчеркивают, что «Вопрос о национальной идее России имеет длительную историю. Он столь же важен для страны, как вопрос о смысле жизни для каждого человека. Без ответа на него цели, ценности, жизненная энергия, успех становятся малоосязаемыми и труднодостижимыми» [10, с. 3].

П. Я. Чаадаев подчеркивал, что «История всякого народа представляет собою не только вереницу следующих друг за другом фактов, но и цепь связанных друг с другом идей» [16, с. 41]. Вл. С. Соловьев понимал русскую национальную идею как «вопрос о смысле существования России во всемирной истории» [Там же, с. 186], подчеркивая, что «Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, — вот ее истинная национальная идея» [Там же, с. 187], «Участвовать в жизни Вселенской Церкви, в развитии великой христианской цивилизации, участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих, вот в чем, следовательно, единственная истинная цель, единственная истинная миссия всякого народа» [Там же, с. 192]. Вл. С. Соловьев отмечал при этом, что «народ может при случае не понять своего призвания» [Там же, с. 189]. По его мнению, «Восстановить на земле ... верный образ божественной троицы — вот в чем русская идея» [Там же, с. 294]. Вяч. Иванов писал: «И кажется, что, как встарь, так и ныне, становясь лицом к лицу, на каждом повороте наших исторических путей, с нашими исконными и как бы принципиально русскими вопросами о личности и обществе, о культуре и стихии, об интеллигенции и народе, мы решаем последовательно единый вопрос — о нашем национальном самоопределении, в муках рождаем окончательную форму нашей всенародной души, русскую идею» [16, с. 228]. Он также называет национальной идеей «строй и синтез отличительных признаков нашего национально-самосознания» [Там же, с. 232], отмечая, что «В ней раскрывается глубочайший смысл нашего стремления к всенародности, нашей энергии совлечения, нашей жажды нисхождения и служения» [Там же, с. 237].

Наиболее деструктивные периоды в жизни страны — упадок, смута и т. п. — были сопряжены с утратой национальной идеи, что, к сожалению, остается пока характерным и для современной России, и «поэтому возвращение *идеи* в жизнь страны сверхактуально» [10, с. 12]. Делается и вывод о том, что «если в текущий момент население России вымирает, то это как раз совпадает с сегодняш-

ним российским безвременьем, бездумьем, отсутствием смысла существования как у страны, так и у большинства ее граждан» [Там же, с. 12]. Естественно, связь между коллективными и индивидуальными смыслами жизни отнюдь не линейная, люди могут видеть в своей индивидуальной жизни смысл, создаваемый, например, заботой о своей семье и близких, карьерой, зарабатыванием денег и т. п. Однако коллективные, в первую очередь общенациональные, смыслы служат одним из главных источников индивидуальных смыслов [5; 22], и в отсутствие внятных коллективных смыслов, количество граждан, не видящих смысла и в своей личной жизни, а, значит, и количество производных от его утраты суицидов, неврозов, более серьезных психических расстройств и т. д., резко возрастает [9; 19].

Авторы многотомника «Национальная идея России» пишут, что «Национальная идея обращена вовнутрь страны, она вопрошает и отвечает на вопросы: «Кто мы такие? Зачем мы и почему? В чем наша идентичность и смыслы? Как именно нам жить, чтобы жить?» [10, с. 16]. Не возражая против подобного очерчивания национальной идеи, следует в то же время отметить, что в посвященной ей литературе преимущественно анализируются 6 блоков вопросов:

- каковы мы, в чем ключевые особенности нашего национального менталитета;
- как, под влиянием каких факторов эти особенности исторически сформировались;
- чем мы отличаемся от других народов, в первую очередь европейских;
- какими нам надлежит быть и в каком направлении самосовершенствоваться;
- как нам благоустроить нашу общественную жизнь и наше государство, в каком направлении следует развиваться и к каким социальным идеалам стремиться;
- какова роль (миссия) России в мировой истории и современном мире.

Соответственно наша национальная идея не только обращена *внутрь* страны, но и развивается в постоянном соотношении нас с другими народами, предполагающем внешние ориентиры сравнения. Подчеркнем в данной связи и *разносторонность* нашей национальной идеи, охват ею широкого круга вопросов, поддающихся, впрочем, упорядочиванию и систематизации.

Отметим и то, что из-за этой разносторонности, охвата национальной идеей России очень широкого круга проблем она носит

достаточно *аморфный* характер, фактически невозможно свести ее к какой-либо простой формуле и однозначной формулировке.

Авторы упомянутого многотомника выделяют и основные *функции* (или миссии) национальной идеи России.

В плане «индивидуальных жизней и потребностей» они относят к числу таких функций:

- мотивационную;
- психологически мобилизующую;
- национально консолидирующую, интегрирующую, объединяющую;
- социально-поведенчески ориентирующую;
- ценностно задающую;
- патриотически формирующую.

Вновь не подвергая сомнению подобное группирование, отметим, что среди основных психологических или, по крайней мере, имеющих выраженное психологическое содержание, функций национальной идеи, наряду с обозначенными, отчетливо выступают:

- смысложизненная;
- идентификационная;
- консолидирующая;
- программная;
- конструкционистская (состоящая в формировании образов будущего и др.);
- компенсаторная (закрывающаяся в психологическом облегчении тягот повседневной жизни: все — ради светлого будущего и т. п.).

В результате тезис о многокомпонентности российской национальной идеи можно дополнить тезисом о ее *многофункциональности*, выполнении ею целого ряда важнейших, в т. ч. *психологических*, функций.

Поиск российской национальной идеи

Авторы многотомника «Национальная идея России» отмечают, что «В русской философии вообще весьма трудно найти какого-либо крупного мыслителя, который не выступал бы с подобным вопросом и проектом, — от Чаадаева до Солженицына» [10, с. 39], «Именно в рамках историософии ставится триединая задача — сущностного определения прошлого, настоящего и будущего России в их связи. А именно это, в соответствии с предлагаемым определением, и составляет содержание понятия «национальная идея» [Там же, с. 39].

Для русского самосознания еще со времен средневековья был характерен религиозный (христианский) мессианизм, истоки которого объясняются «особой сопротивляемостью» Древней Руси азиатской Степи — длительным агрессивным воздействиям на нее со стороны кочевых племен Востока. В результате «Самой своей исторической судьбой, географическим положением — между европейским Западом и азиатским Востоком — Русь была как бы обречена на мессианскую роль защитницы Европы» [10, с. 6].

Принято считать, что философское обоснование нашей национальной идеи восходит к Вл. Соловьеву, который в 1888 г. в Париже прочитал доклад под названием «Русская идея». Ее сущность в представлении Вл. Соловьева совпадает с христианским преобразованием жизни на основе истины, добра и красоты. Исследователи творчества этого ученого отмечают, что концепция русской идеи была органически связана со всем строем его личности и отражала не только его мысли и «философский темперамент», но и особенности его психологического склада, личные приверженности, вкусы, идеалы [16], а биографы особо отмечают такие привлекательные черты его характера, как великодушие, веселость, терпимость, деликатность [Там же].

Соловьевскую линию истолкования русской идеи продолжили представители русского культурного ренессанса начала XX века — В. Розанов, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Иванов, Е. Трубецкой, Л. Карсавин, В. Эрн и другие. Как и Вл. Соловьеву, им были свойственны приверженность высокой духовности, состраданию и милосердию [16].

В контексте программ и проектов, которые относимы к развитию русской идеи, отчетливо проступают программы и проекты возрождения России, а это слово часто упоминается в соответствующих работах. Данное обстоятельство выражает тот факт, что, по мнению развивавших русскую идею, *нормальное развитие России систематически прерывалось*, она регулярно оказывалась в состоянии глубокого кризиса, для преодоления которого было необходимым ее возрождение. Соответственно *прерывистость* развития России глубоко запечатлено в развитии нашей национальной идеи. При этом акцент всегда делался на том, что Россию нельзя возродить только «внешними» — экономическими и политическими — средствами, необходимо и ее «внутреннее» — духовно-нравственное — возрождение [ср.: 11; 12; 13; и др.]. Так, составители сборника «Русская идея» в начале 1990-х гг. задавались вопросом: «Дорастет ли общество до понимания того, что материальный прогресс, взятый сам по себе, в отдельности, состояться

не может, ибо он не мыслим без прогресса культурно-национального, без свободного развития человека, являющегося подлинной целью социального развития» [16, с. 17].

Достаточно очевидно *высокая критичность* разработчиков русской идеи к духовному и социальному состоянию России, акцентируемая ими острая необходимость перемен, выражающая направленность этой идеи на *изменение* сложившейся ситуации. Так, Л. П. Карсавин писал: «На первый взгляд кажется странным, но если поразмыслить, то естественным — исконная, органическая пассивность стоит в связи с устремленностью к абсолютному, которое как-то отчетливее воспринимается сквозь дымку дремы, окутывающей конкретную действительность» [16, с. 320]. Подвергал он и критике «закоснелость православной культуры» [Там же, с. 320], а также «пресловутую русскую лень» [Там же, с. 320]. Е. Н. Трубецкой отмечал, что нам ближе всего «христианство Обломова» [16, с. 248]. А В. Г. Белинский считал, что «нападки (даже преувеличенные) на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм» [Там же, с. 80].

Можно выстроить *геополитическую логику* детерминации национальной идеи, ее воплощения в нашем национальном характере, внешней политике России и ее социальной жизни. Долгое время ведущей геополитической идеей России было расширение границ ради «отодвигания» агрессивных соседей, выхода к морям и т. п. [6]. Это привело к покорению огромной территории, запечатлевшейся, интериоризованной в нашем национальном характере. Огромную территорию труднее возделывать, к тому же, при наличии громадных пространств, можно, использовав одни земли, переходить к эксплуатации других, не особо заботясь о состоянии прежних. Невозделанность земель, интериоризуясь, создает «невозделанность» внутреннего мира, которая, в свою очередь, проецируется на социальное устройство и экстериоризуется в нем, определяя склонность к революциям и т. п., являющиеся *ментальными аналогами* перехода на новые земли без должного возделывания земель уже освоенных.

Трудно не уловить *непоследовательность, прерывистость* русской идеи, выразившиеся, например, в переходе от девизов «Москва — третий Рим», «Православие. Самодержавие. Народность» к девизу «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» и далее к лозунгу «Коммунизм — светлое будущее всего человечества», в чем проявилась неустойчивость российского национального характера, зафиксированная и разрабатывавшими эту идею, и современными исследованиями [17; и др.]. Успели побывать нашей националь-

ной идеей и развитый (или развитой) социализм, и коммунизм, и социализм с «человеческим лицом», и космизм (в смысле всеобщей устремленности в космос, выразившейся, например, в том, что самым популярным литературным жанром в позднесоветские годы была космическая фантастика), и многое другое. А главная задача посткоммунистической России многим видится в *модернизации* нашего общества [2; и др.].

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что и в западных, а также в восточных культурах регулярно менялись «общественные парадигмы» («новый курс» Ф. Рузвельта, культурная революция в Китае и т. п.), «политические парадигмы» и др. Ряд авторов считают, что на пороге очередной смены таких «парадигм» стоит и современное человечество [2]. А в мировом социальном развитии, которое никогда не было прямолинейным и поступательным, выделяются *четыре тенденции*: вера в светлое будущее, попытки возврата к прошлому, уход от реальной действительности, спасение через духовный мир [См.: 3].

Резким изменениям подвергалась и основная линия преобразований, предлагавшаяся стремившимися «сделать Россию лучше». Одним она виделась в том, чтобы *усовершенствовать природу русского человека*, а ее посредством улучшить и ситуацию в нашем обществе. Это соответствует основной логике «улучшения» человека и общества, характерной для психологической науки. «Улучшите природу человека, и вы улучшите все», — писал А. Маслоу (Цит. по: 21, с. 521). Аналогичные идеи высказывались З. Фрейдом, Э. Фроммом и другими классиками психологии. Другим, в особенности отечественным марксистам, основная линия преобразований представлялась обратной — *улучшение общественных отношений*, устранение воплощенной в них острой социальной несправедливости, а улучшение человеческой природы — как «сама собой» наступающая в результате установления «правильных» социальных отношений.

В общественном сознании одновременно присутствуют популярно противоположные и несовместимые идеи, между которыми отсутствует единое смысловое поле [4; 18; 19; и др.]. Возникают и такие кентаврообразные образования, как «С Богом и царем к победе коммунизма и демократии» [11]. Ж.Т. Тощенко задается вопросом: «а не является ли нынешняя антиномичность общественного сознания предвестником возможных социальных потрясений?» [20, с. 48].

Констатируется *нерешенность, открытость ключевых вопросов, входящих в область национальной идеи России*, в частно-

сти, вопроса о ее цивилизационной идентичности: «основной вопрос о цивилизационной идентичности России до сих пор не решен. То ли она принадлежит Западу. То ли в ней есть восточные признаки. То ли это некий евразийский синтез. То ли Россия вообще не обладает цивилизационной идентичностью. Главное, что не был предложен и не найден объективный научно самостоятельный способ доказательства утверждаемой позиции» [10, с. 41]. Отмечается и то обстоятельство, что «Российская Федерация представляет собой одно из редких исключений, как государство, не обладающее в современности девизом (формулой) национального существования. Если же говорить о больших, сопоставимых странах современности, то Россия — абсолютная аномалия» [Там же, с. 37]. При этом очевиден контраст и с Российской империей, национальным девизом которой было: «Православие. Самодержавие, Народность. С нами Бог. За Веру, Царя и Отечество», и с девизами СССР: «Пролетарии всех стран соединяйтесь! Вперед, к победе коммунизма!» [Там же]. Отметим, в данной связи, что наличие четких национальных девизов не уберегло оба эти государства от распада, как и то, что на определенных этапах их существования подобные девизы сыграли важную консолидирующую роль. Трудно не согласиться и с тем, что четко очерченная цель в развитии нашего общества и его сфер, социальных институтов, организаций и процессов отсутствует [20], как и с тем, что отсутствие ясной перспективы, уверенности в будущем не может не сказываться на настроениях граждан и деловом климате в нашей стране [1].

Акцентируется также *общемировой характер потребности в новой модели общественного развития*. О. Богомолов пишет: «К сожалению, развитие в мировом сообществе научной и политической мысли, как и общественного сознания, явно не поспевает в осмыслении сути и особенностей происходящих перемен. Господствующая в мире идеология, политическая практика и мораль дискредитируют себя. Тем острее ощущается потребность в нахождении новых моделей государственного и экономического устройства, а также глобального миропорядка, которые были бы адекватны вызовам происходящего «макросдвига» [1, с. 33]. По его мнению, о назревающей революции в умах свидетельствует и доклад ЮНКТАД, в котором констатируется, что «Рыночный фундаментализм *laissez-faire* последних 20 лет драматически провалил экзамен» [Цит. по: 1, с. 36].

Тревожность в отношении мировой ситуации в целом свойственна и нашим согражданам. В 2014 году 54% россиян считали,

что нынешняя ситуация в мире беспокойная, нестабильная, 18% характеризовали ее как кризисную, а, по мнению каждого десятого, мир вообще находился на пороге катастрофы [14].

Возможно, наступил «конец эпохи деидеологизации» [18]. Б. Славин пишет: «Негативное восприятие реформ населением было во многом связано и с сознательным дистанцированием радикальных реформаторов от какой-либо ясной идеологии их осуществления ... они не смогли предъявить обществу собственную сбалансированную систему взглядов, ценностей и идеалов, ради которых следует проводить реформы. Понадобилось несколько лет неолиберальной политики с очевидно провальными результатами, чтобы ее идеологи вдруг заговорили о необходимости выработки национальной идеи» [Там же, с. 113]. В результате «Проблемы, связанные с самоопределением России в мире, под которым понимается *выбор обществом стратегии* внутреннего и внешнего развития, становятся как никогда актуальны» [14, с. 261].

Интерес к национальной идее России *обострялся во время социальных кризисов, когда рушились устоявшиеся основы ее развития*. Так, составители сборника «Русская идея» в начале 1990-х гг., констатируя глубокий кризис в развитии народного самосознания, писали: «не случайно, вероятно, то, что в наши дни так остро развернулись дискуссии вокруг русской идеи, ставящие проблемы бытия нации, ее духа и судьбы» [16, с. 6].

Поиск национальной идеи в современной России

Б. Славин пишет: «Конкретная ценностная структура, которая могла бы составить костяк новой идеологии, должна, прежде всего, включать такие понятия, как *права человека, справедливость, свобода, солидарность, демократия, патриотизм*. Они коррелируются с социальным идеалом, который можно выразить кратко, но емкой формулой: *свободный человек в справедливом и демократическом обществе*» [18, с. 122]. Он акцентирует и необходимость *преемственности* в поиске национальной идеи России, в частности, то, что проект будущего российского общества должен стать своеобразным продолжением уже осуществлявшихся в нашей стране проектов «социализма» и «капитализма» [Там же]. А социологи, анализирующие результаты опросов населения, считают, что у современных россиян есть некий идеальный образ справедливо организованного общества, которое должно вбирать в себя все лучшее из социализма и капитализма, но при этом быть лишенным их основных пороков [Там же].

Социологические исследования демонстрируют также, что в последние годы у значительной части россиян, наряду с их ухудшающимся отношением к Западным странам, особенно к США, появились сильные сомнения в самом факте цивилизационной принадлежности России к Европе. Доля россиян, считающих, что прошлое и будущее нашей страны связано именно с этим регионом, сократилось с 55% в 2002 г. до 36% в 2014 г. И, напротив, возросло число тех, кто полагает, что наша страна представляет собой особую цивилизацию на стыке Европы и Азии с перспективой «дрейфа» в восточном направлении [14].

Вообще же, по данным социологов, соотношение россиян, связывавших исторические судьбы России с Европой, и считавших, что у нашей страны другой путь, на рубеже столетий составляло 2:1, а в последнее время изменилось на обратное [14]. При этом наблюдается расхождение мнений респондентов в отношении культуры, экономики и национального менталитета: *культурное сходство* России с Европой принимается большим количеством россиян, чем сходство менталитета и экономики [Там же]. На этом основании исследователи делают вывод о том, что в ментальном пространстве наших сограждан Россия предстает не как европейская, не как азиатская и даже не как евразийская, а как *европейско-евразийская* страна, что соответствует сформулированной некоторыми славянофилами концепции России как «второй Европы», более открытой Востоку, но сохраняющей возникшие на общей христианской основе стержневые *свойства менталитета и культуры* [Там же].

Опросы также свидетельствуют о формирующейся в нашем массовом сознании *неопределенности* относительно тенденций и перспектив развития страны [14]. При этом растет количество убежденных в том, что российская цивилизация — особая, количество сторонников «особого пути» России [Там же]. В то же время данную матрицу нельзя безоговорочно охарактеризовать и как евразийскую. На основе эмпирических исследований, скорее, можно констатировать формирующийся ныне в российском социуме *новый исторический проект* «альтернативной Европы» [Там же].

Растет — с 45% в 2007 г. до 52% в 2014 г. — доля россиян, которые считают вполне реалистичной задачу вхождения России в число самых экономически развитых и политически влиятельных стран мира, а не видящие смысла для нашей страны стремиться к каким-либо глобальным целям составляют лишь 4%, однако лишь небольшое количество рядовых россиян привлекает «мессианская» составляющая величия страны. Так, доля считающих, что России надлежит стать «цивилизационным мостом» между Ев-

ропой и Азией, составляла в 2014 г лишь 8%. [14]. Осуществившие данное исследование социологи констатируют: «Таким образом, россияне, похоже, надолго отказались от стремления чем-то обогатить человечество» [Там же, с. 272]. Если это действительно так, то налицо расхождение установок рядовых граждан и современных российских идеологов.

В то же время стоит отметить, что и на Западе находятся обществоведы, которые считают, что Россия, подобно Советскому Союзу, служившему источником альтернативной культуры, политических институтов и системы ценностей, может предложить миру свою модель развития, у которой на Западе вполне могут найтись сторонники [8].

Среди лозунгов, выражающих *особый* путь России, на первом месте стоит лозунг социальной справедливости (47% опрошенных), на втором — лозунг возвращения к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем (35%), на третьем — лозунг России как великой державы, империи, объединяющей разные народы (32%). При этом растет количество считающих, что Россия идет правильным путем, и в 2014 г. оно составляло 75% (в 2001 г. — 61%, в 2011 г. — 60%, в 2012 г. — 64%). В то же время опросы показывают, что по поводу *нового места России* в мире население нашей страны не гомогенно. В некоторой его части, прежде всего в высокодоходных слоях жителей мегаполисов, формируется иное представление о желательном векторе развития страны и другой характер национальной идентичности, т. е. для разных слоев общества характерны разные варианты национальной идеи. А численность сторонников крайних взглядов — и западников-либералов, и почвенников-консерваторов — невелика, составляя соответственно 3% и 5%, основная же часть симпатий сосредоточена вокруг моделей сильного, социально-ориентированного государства [14].

Современные *проекты развития России* и, соответственно, нынешние варианты нашей национальной идеи можно разделить на две группы. Один тип проектов основан на достаточно жестком и агрессивном противопоставлении России Западу [7; и др.], другой — на заимствовании там всего лучшего и дополнении его своим, например, сочетание демократии и рыночной экономики со справедливостью, духовностью, отсутствием приоритета материального над духовным и т. п. [1; 15; и др.] При этом и антагонистичные Западу проекты все же предполагают некоторые заимствования у него, например, развитие «правильного», справедливого варианта рыночной экономики в противовес характерной для него «неправильной» и несправедливой экономики [7; и др.].

Неантогонистичные проекты, не основанные на жестких противопоставлениях, представляются более адекватными. Скажем, сочетание духовности и материального благополучия, гармония во всем, культурный синтез, возделывание наших необъятных территорий, улучшение общества и человека, конъюнктивность (кстати, очень характерная для китайской культуры), а не дизъюнктивность (одновременно и духовное, и материальное благополучие, преодоление нашей национальной традиции регулярно впадать из одной крайности в другую, «разрушать до основания, а затем...»). Это предполагает и заимствование всего лучшего из прежних вариантов национальной идеи России, отсутствие отношения к ним с революционной непримиримостью. Но не предполагает, естественно, некритическое заимствование из других культур неприемлемого для нас, перенос оттуда тех *форм социальной организации*, которые грубо противоречат основным *особенностям российского менталитета*. Важно также не испытывать ни чувства превосходства над другими народами, выливающегося в противопоставление себя им, ни чувства национальной неполноценности, например, от нашей неспособности жить по западным образцам.

Национальной идее России вовсе необязательно быть *специфической*, разделяемой только ею, полностью отличной от национальных идей других народов. Так, например, *ценности свободы, справедливости и эффективности* в определенной мере разделяют все основные идеологии [18]. Не следует стремиться к уникальности и неповторимости национальной идеи России, к воплощению принципа «специфичность любой ценой». Как подчеркивал И. А. Ильин, «Дело совсем не в том, чтобы быть ни на кого непохожим; требование «будь как никто» неверно, нелепо и неосуществимо» [16, с. 441]. Вряд ли следует избегать воспроизводства в национальной идее России ключевых элементов национальных идей других стран, а тем более общечеловеческих цивилизационных принципов.

Очевидно и то, что национальная идея России должна носить *многокомпонентный* характер, не сводиться к чему-то одному, не быть направленной только на решение экономических (хорошо известный «экономический детерминизм»), общесоциальных или нравственно-психологических проблем, а охватывать решение всего комплекса подобных проблем в их взаимосвязанности и единстве. *Комплексный, многосторонний* характер национальной идеи, которая нужна России, представляется достаточно очевидным — как и *междисциплинарный* характер изучения предпосылок ее формирования.

Литература

1. Богомолов О. Мир в процессе радикальных перемен: новые модели жизнеустройства // Мир перемен. 2015. № 1. С. 31–44.
2. Вардомский Л. О грозных вызовах современности // Мир перемен. 2014. № 4. С. 174–179.
3. Дергачев В. «Чтобы сойти с ума — надо его иметь», или тенденции постсоветской имитации реформации и просвещения // Мир перемен. 2007.
4. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
5. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
6. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. У, VI. М.: Московский рабочий, 1993.
7. Кузнецов А. Судьба англосаксонского глобализма // Мир перемен. 2015. № 3. С. 133–148.
8. Лейн Д. Российская трансформация: становление мировой державы? // Мир России. 2010. Т. 19. № 4. С. 3–24.
9. Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
10. Национальная идея России. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012.
11. Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
12. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
13. Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
14. Российское общество и вызовы времени // Под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь мир, 2015.
15. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
16. Русская идея. М.: Республика, 1992.
17. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996.
18. Славин Б. В поисках идеологии и модели развития // Мир перемен. 2007. № 3. С. 112–127.
19. Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М., ИСПИ РАН, 2014.
20. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального развития и маркетинга, 2015.
21. Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997.
22. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Счастье как научная категория // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 8. С. 715–723.